

НЕСКОЛЬКО СЛОВ НАКАНУНЕ ГАСТРОЛЕЙ

Ю. ЛЮБИМОВ,

главный режиссер Московского театра драмы
и комедии на Таганке

ВСТРЕЧА с новым зрителем для нас — всегда событие огромной важности. И это не просто слова вежливости. Я убежден, что привилегию театра привлекать к себе внимание публики история отменила, как и многие другие устаревшие привилегии. Доверие каждый раз необходимо завоевывать, и это нелегкий труд. В наш век взоры людей по праву приковывают к себе незаурядные исторические события, полеты в космос, динамика политических в социальных преобразований.

Театр не имеет права не учитывать этих событий. Художник должен знать, что его искусство лишь тогда вызовет живое эхо, когда оно будет рассказывать о самом волнующем и насущном.

Нашей первой постановкой был «Добрый человек из Сезуана» Бертольда Брехта — художника поразительной гражданской активности, яркого политического темперамента. Мы стремимся, чтобы каждый наш спектакль не оставлял людей равнодушными к жизни общества. Следуя заветам Брехта, мы не скрываем своего отношения к тому, что изображаем, не чураясь ни сатиры, ни патетики, откровенно смеясь над тем, что нас возмущает, и утверждая со всей искренностью то, что нам представляется самым правдивым и честным.

Наш театр молодой. Мы вышли из студии — из актерского курса, которым я руководил в школе-студии им. Б. Щукина при театре им. Евг. Вахтангова. И наше заветное желание — сохранить верность студийному духу молодости, с ее неприимимостью к фальши и непосредственности.

Однако быть правдивым — это высокое мастерство. Искренность дается лишь благодаря граненой технике. Потому каждый спектакль, каждый поиск того, как «мысль разрешить», неотделим для нас от поисков современной эстетики. На наш взгляд, в образном языке сцены должна найти выражение та конденсированность событий, которая характерна для нынешней жизни. Театр на Таганке тяготеет к поэзии, с ее насыщенностью образами, щедростью воображения, смелыми сопращениями далекого и близкого.

Пастернак называл метафору скорописью духа, мгновенным и сразу понятным озарением. Мы также ищем метафорические, наиболее действенные приемы для выражения своих мыслей и чувств и рассчитываем на творческую активность зрителя. В этом смысл стремления к художественному своеобразию, о котором говорил тов. А. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: «Мы за внимательное отношение к творческим поискам, за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма».

Художественное своеобразие — это не оригинальничанье, а жизненная необходимость. Ромен Роллан был прав, остерегая художника: «Если тебе нечего сказать — молчи!». Но как будет говорить тот, кто не знает, как

сказать то, что ему хочется? Косноязычие в искусстве может обернуться пародией на те идеи, которые таким образом высказываются, также как буквальное перенесение реального явления на сцену может обернуться ложью. Когда Коклен заснул на сцене, критики написали, что он разучился правдоподобно изображать храпящего. Правда театра — в вымысле, но не в лобом, а только в таком, который соответствует законам подлинного творчества. Искусство говорит образами, и мы не таим этого, пытаюсь дать не точную, подобную посмертному слепку, копию жизни, а ее сгусток, ее наиболее яркие грани. Театр — не для слепых, это искусство не только слышимое, но и видимое. Меня увлекает возможность найти в пьесе не только смысловой, но и чисто театральный зрительный ход. Театр — искусство синтетическое, оно вбирает в себя не только литературу, но и живопись, скульптуру, музыку... Подобно тому, как в поэзии рифмуются, обретая единство, различные понятия, на сцене сочетаются свет и слово, ритм и пластика.

Как известно, смешение угля и селитры дает порох. Мы тоже стремимся к взрывчатым сочетаниям сценических элементов, желая, чтобы они дали вспышку, озаряющую все вширь и вглубь, бросающую яркий свет на мир и душевную жизнь человека.

Творчество — это, как говорил Маяковский, «езда в неизвестное», открытие нового. За линией рампы вещи, явления и люди должны сбросить стертые оболочки, поражая нас своей новизной. Отметая привычное, искусство стремится к существенно-му. Форма — это наиболее выразительный способ говорить правду, это предельная острота идеи, способная пробить броню равнодушия. Быть может, мне еще потому чужды так называемые бытовые формы театра, что я не приемлю спокойно-созерцательное отношение к жизни. Задача заключается не в том, чтобы копировать действительность, а в том, чтобы ее преобразовать.

Для нас является единым цельным высотой помыслов и высота мастерства, глубина содержания и яркость формы. Повторяю, только зная, что говорить и как говорить, художник имеет право требовать к себе внимания. Нам трудно судить, чего достиг наш театр.

Но непрестанность размышлений о месте человека в современном мире, тщательность поисков своего художественного языка дает нам надежду на благожелательный отклик на вашей гостеприимной земле.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «А зори здесь тихие...».

